

Личность и эпоха

Рец.: *Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.*

Имя Константина Петровича Победоносцева (1827–1907), государственного деятеля, ученого, идеолога, публициста и мыслителя, известно всем, кто интересуется историей Российской империи конца XIX — начала XX в. Выдающийся деятель трех последних царствований, скептик и «реакционер», «русский Торквемада», «один из главных виновников русской революции» — как только не называли его и современники, и потомки! Столь различные оценки говорят о том, что к Победоносцеву относились (да и сейчас, пожалуй, относятся) исключительно пристрастно. Как и в начале XX в., он ныне вызывает либо чувство симпатии, либо отторжение.

Почему так происходит?

Ответ на поставленный вопрос одновременно и сложен, и прост.

Сложен потому, что четкий ответ возможен лишь в случае проведения тщательного изучения жизни и деятельности Победоносцева, внимательного исследования его государственной деятельности и воззрений.

Прост потому, что Победоносцев вплоть до сего дня большинством историков воспринимается как человек до конца определенных и, безусловно, выверенных идей, если угодно — «на черно-белом» историческом фоне. Правда, то, что для одних является «белым», для других окрашено темными красками. Апологеты Победоносцева с восторгом называли его человеком, отстаивавшим незыблемость православной самодержавной монархии и называвшим конституционные принципы «великой ложью нашего времени». Критики справа — обскурантом, задержавшим естественное политическое развитие России и тем самым подготовившим гибель монархической государственности. Критики слева (в советский период) — «идейным крепостником» (sic!), выразителем интересов «крепостнического дворянства», стремившимся «подморозить» страну и тем самым остановить ее поступательное движение.

Так, Победоносцев — выдающийся человек своего времени — воспринимался в контексте определенной схемы (в зависимости от того, какие взгляды разделяли писавшие о нем «правые» и/или «левые»). Соответственно, получалось, что изучение жизни Победоносцева — задача далеко не первостепенной исторической важности, поскольку, определившись с политической оценкой

прошлого, можно легко оценить и его действия, его жизнь, если не целиком, то в любом случае — в политике и идеологии России.

Даже на Западе, где не было идеологических препятствий к изучению жизни Победоносцева, работы, ему посвященные, фокусировали внимание читателя на его государственной деятельности, прежде всего в качестве обер-прокурора Святейшего Синода. Его рассматривали как деятеля консервативного направления, иногда в контексте такого явления, как «консервативный национализм». Это тоже была «схема», хотя и свободная от советских идеологических штампов.

Подобный «схематический» подход, очевидно, сказался на том обстоятельстве, что специальных монографий о К. П. Победоносцеве за истекший со дня его кончины более чем столетний период вышло совсем немного. О нем конечно же писали, когда речь заходила о церковно-государственных отношениях в России Синодального периода, о славянофилах, об эпохе императоров Александра III и Николая II, о проблемах церковных реформ начала XX в. и т. п. Но в этих работах Победоносцев предстал скорее как крупный бюрократ, высокопоставленный чиновник определенного направления, но не как интересная, во многом необыкновенная личность. А ведь он был прежде всего неординарным человеком, тонким и глубоким. Чтобы отразить эту глубину, требовалось написать специальную работу о нем, избегая, по возможности, указанной «схематичности» (тем более, что любой выдающийся человек неизмеримо сложнее любой схемы и не может быть целиком в нее «вписан», будь то схема «правильного» монархиста или сторонника классового подхода к прошлому — не важно).

Данное обстоятельство, думается, прекрасно понимает автор одной из последних (по времени) работ о К. П. Победоносцеве — московский исследователь Александр Юрьевич Полунов, в конце 2010 г. выпустивший монографию, в которой рассматривается роль и значение учителя двух последних самодержцев и многолетнего главы ведомства православного исповедания в общественно-политической и духовной жизни России. Его глубокая и ясная по форме изложения работа, хотя и не может считаться биографией Победоносцева-человека, но дает ключ к написанию такой работы в будущем. Обвинять автора в том, что он не написал социально-психологической биографии Победоносцева, было бы нелепо — такой задачи в его исследовании не ставилось.

А. Ю. Полунов рассмотрел основные аспекты жизни и деятельности обер-прокурора Св. Синода, уделив внимание процессу формирования его консервативных воззрений, политическому возвышению и роли в правительстве Александра III, официальному и «закуливному» воздействию на политику властей, взглядам на религию, Церковь и национальные отношения, наконец, истории последнего периода нахождения на посту главы ведомства православного исповедания. Таким образом, А. Ю. Полунов очертил круг вопросов, без осмысления и понимания которых невозможно пытаться описать «роман жизни» К. П. Победоносцева. По моему мнению, это весьма немалая заслуга ученого, знатока эпохи и событий пореформенного прошлого России. Именно на эти моменты, отмеченные А. Ю. Полуновым, и следует обратить внимание.

Автор понимает, что фундамент, на котором базировалось мировоззрение Победоносцева, имел корни, уходившие как в толщу традиционного уклада до-

реформенной Москвы, так и в просветительскую идеологию XVIII в. (интерес к обучению и воспитанию, вера во всемогущество печатного слова — оттуда). Как видим, будущий консерватор, столь много сделавший для развенчания идей Великой Французской революции, воспитывался *и на принципах*, в конце XVIII в. приведших к оправданию грандиозных социальных и политических перемен в Европе. Это — важное обстоятельство, позволяющее говорить о Победоносцеве *как о европейце*, прекрасно понимавшем, от какого идейного багажа отказывается. Европейским было и образование Константина Петровича, полученное в Императорском училище правоведения, где он сблизился с потомками старинных аристократических родов. Победоносцев смолodu знал представителей российской элиты, хотя лично (по рождению) к ней не принадлежал. Он был «поповичем», поскольку дед служил священником, а отец получил духовное образование. Однако формальные констатации не помогают решению проблем. А. Ю. Полунов это прекрасно понимает, не забывая указывать на то, что мать Константина Петровича принадлежала к роду дворян Левашовых, а отец ко времени его юности уже имел достаточно весомый социальный статус, важные знакомства и связи. Хотя специально А. Ю. Полунов генеалогические вопросы, связанные с Константином Петровичем, не разбирает, из контекста видно, что для него важнее не происхождение будущего обер-прокурора «из духовного корня», а религиозное его воспитание, искренняя церковность и семейные традиции, основанные на безусловной преданности монархии. В целом роль семьи, такой патриархальной, как его (где он был одиннадцатым ребенком), невозможно игнорировать — ведь «патриархальность» и «консерватизм» в жизни часто бывают связаны. Учитывая указанные обстоятельства, можно лучше понять, *что и как* формировало личность К. П. Победоносцева.

В историю Победоносцев вошел как безусловный консерватор, но из этого вовсе не следует, что он всегда стоял на консервативных позициях. Автор рассказывает о том, что, по его мнению, повлияло на постепенное изменение взглядов Константина Петровича, справедливо акцентируя внимание на эпохе Великих реформ. Для автора важно, как судебная реформа, проводившаяся в первый период царствования императора Александра II, сказалась на понимании Победоносцева необходимости проведения кардинальных реформ. Этот момент следует признать принципиальным, поскольку путь от «реформатора» до «охранителя» в идейном отношении всегда непрост. А. Ю. Полунов замечает, что Победоносцев скептически воспринимал перспективу соприкосновения судебных институтов с самостоятельностью общества. Поэтому и мировой суд, и суд присяжных воспринимались им как элементы, разрушающие, а не укрепляющие русское общество. Нетрудно понять, что под обществом он понимал не только (и не столько) его образованную часть («элиту»), сколько весь социум в целом. Основой же этого социума был «простой народ», представлявший наиболее надежной опорой самодержавия, фундаментом российской монархии.

Пытаясь очертить контуры идеологии, наиболее подходящей для политического бытия России, в своих публицистических работах Победоносцев стремился пропагандировать идею непосредственного единения царя и народа, разумеется, подчеркивая самобытность России и неприемлемость для нее заимствованных

с Запада политических институтов. Обыкновенно эти взгляды К. П. Победоносцева и позволяют исследователям говорить о нем как о человеке консервативных взглядов.

По мнению А. Ю. Полунова, эволюцию будущего обер-прокурора в направлении консерватизма во многом определило польское восстание 1863 г. Спорить с данным утверждением было бы неверно, однако хотелось бы заметить, что не меньшее значение для него имела и попытка покушения на царя, предпринятая Дм. Каракозовым в 1866 г. Реформы, таким образом, выглядели своеобразной «провокацией», разрушавшей сложившуюся в империи систему общественно-политических отношений. Система эта не предусматривала «либерализации», апогеем которой могла стать парламентская система управления. Победоносцев не верил в возможность изменения «испорченной человеческой природы» путем реформирования институтов, в этом смысле он был политическим пессимистом. Выход виделся ему лишь в подчинении «натуры» контролю государственной власти. Но государственная власть и управляющий класс — бюрократия — не одно и то же. Более того, бюрократия ничем не лучше «либералов».

Что же тогда понимать под государственной властью?

А. Ю. Полунов, тщательно разбирая эту проблему, определяет идеал своего героя как «небюрократическое самодержавие». Но насколько было возможно осуществить идеал, претворив его в практической жизни страны и народа? Схема, предлагавшаяся К. П. Победоносцевым, была достаточно проста: система управления, возглавлявшаяся царем, должна быть дополнена новым элементом в лице доверенного царского советника, пользовавшегося неограниченным расположением высшего носителя власти. По словам автора монографии, в свою миссию — служить связующим звеном между властью и народом — К. П. Победоносцев верил безоговорочно.

В сей простой схеме, как нетрудно увидеть, существовали серьезные изъяны: чем, например, сам Победоносцев (в качестве «доверенного лица») лучше фаворитов прежних лет и царствований? Тем, что он сугубо бескорыстен, знает и понимает нужды «простого народа», близок к нему духовно, а прежние ближайшие советники самодержцев не понимали и не были духовно близки?

В подобных утверждениях было не меньше абстракции, чем в критике парламентской системы как противоречившей «коренным свойствам человеческой природы». Внутреннюю противоречивость победоносцевской логики А. Ю. Полунов специально не разбирает, хотя не забывает при необходимости на нее указывать. Для него важнее подчеркнуть, что Победоносцев всеми силами стремился сохранить целостность традиционного уклада жизни русского народа в духовной сфере, являвшуюся важнейшим залогом стабильности общества. Сохранение, или, лучше сказать, «охранительство», традиционного уклада жизни предполагало «консервацию» этого самого уклада, в том числе и неприкосновенность сословной структуры, предполагавшей общую ответственность всех классов общества перед монархией. Следовательно, и дворянство имело ценность не как «благородное сословие», а как сила, осуществлявшая «опеку» над крестьянами, «отечески» им помогая. Бюрократическая регламентация народной жизни, таким образом, воспринималась не менее вредной и опасной, чем «либерализа-

ция» страны. А. Ю. Полунов точно отметил, что общество было для Победоносцева началом несамостоятельным, нуждавшимся в опеке. Исходя из прозвучавшего тезиса, нетрудно понять, что любые изменения, разрушавшие «старину», разрушали и общество, делали его беззащитным перед западными учениями и тем самым ослабляли самодержавие — основу русской государственности и залог ее успешного развития в будущем.

Круг замыкался на самодержавии как самодостаточной силе, способной вести страну вперед. Залог победы — преодоление «средостения» между самодержавием и народом. Отвлекаясь от настоящей темы, отметим, что стремление к преодолению «средостения» было принципиальной задачей и заветной мечтой последнего русского монарха — императора Николая II, которого К. П. Победоносцев, так же как и его отца — императора Александра III, политически воспитывал и учил.

Кратко рассказывая о том, как и почему Победоносцев был назначен на пост обер-прокурора Святейшего Синода, А. Ю. Полунов не забывает указывать, что борьба с либеральной группировкой в правительстве составила важнейший аспект его деятельности в самом начале 1880-х гг. Борьба эта, в связи с трагедией 1 марта 1881 г., завершилась, как известно, полной политической победой обер-прокурора Святейшего Синода.

Но что было ее наиболее важным результатом? Появление Победоносцева на вершине власти, его контроль за правительственными назначениями, стремление не перестроить «учреждения», а правильно подобрать исполнителей — усердных работников. И, главное, исключительное влияние на определение «идеологического лица» нового царствования. Убежденный в необходимости не столько образования, сколько нравственного воспитания «простого народа», Константин Петрович видел его основу в учении Православной Церкви. Соответственно этому он и действовал: развивал систему церковно-приходских школ, стремился составлять необходимые учебные пособия по церковной истории, уделял пристальное внимание цензуре и действиям Министерства народного просвещения. Он выступал в роли наставника и учителя, для которого важно не правильно «управлять» вверенным ему учреждением, а воспитать достойных учеников.

Как мне кажется, именно поэтому Победоносцев столь серьезно относился и к своему официальному посту — обер-прокурора Святейшего Синода, не желая его оставлять ради другого (например, поста министра юстиции или министра народного просвещения). Руководя ведомством православного исповедания, он видел свою задачу в укреплении церковного начала на все стороны жизни российского общества. Но, будучи скептиком, он с подозрением относился к ярким представителям православного мира (например, к протоиерею Иоанну Кронштадтскому). А. Ю. Полунов, обратив на это внимание, к сожалению, не стал специально рассматривать данное обстоятельство. А жаль, поскольку характер обер-прокурора и его политические шаги на церковном поприще лучше всего оценивать через призму его отношения к наиболее заметным иерархам и иереям конца XIX — начала XX в. Автор, отмечая глубокую личную веру Победоносцева и понимание им роли духовного начала в жизни общества, лишь указывает на

то, что обер-прокурор, настороженно относясь к любой независимой инициативе, должен был налагать все более жесткие ограничения даже на деятельность духовно близких ему деятелей, держать под строгим контролем развитие церковной прессы, науки, жизнь духовно-учебных заведений.

Любивший стройность мысли и ясность логических построений, К. П. Победоносцев оказался в неблагоприятной роли мыслителя, чьи утверждения не могли быть полностью реализованы на практике по причине изначально допущенной фундаментальной ошибки: признанию относительного (в нашем случае — неискоренимой испорченности «человеческой природы») абсолютным (т. е. не имеющим исключений в лице кого бы то ни было). Кроме того, в качестве безусловной истины он понимал «исконную простоту» народа, что было не только излишним допущением, но также историческим «измышлением», не подтверждаемым эмпирически. В этой связи любопытно отметить, что даже идею повышения материального благосостояния православного духовенства Победоносцев воспринимал скептически. Как пишет А. Ю. Полунов, обер-прокурор полагал, что данная мера разрушит присущую массе клириков «исконную простоту»! Только внешние обстоятельства заставили его пересмотреть вопрос о государственной поддержке духовенства.

Столь много говоря о «людях», даже в Святейшем Синоде Константин Петрович не сумел добиться правильного подбора иерархов. Удивление вызывает не то, что Святейший Синод он называл «стоячей водой», а то, что изменить положение он в принципе и не надеялся. Негативное восприятие окружающего мира, пессимизм, граничивший с цинизмом, — вот все, к чему в итоге пришел Победоносцев как человек и мыслитель. Как здесь не вспомнить ехидное наименование его В. В. Розановым «Гамлетом в роли администратора»!

Не желая самостоятельности архиереев, он являлся горячим сторонником синодальной системы, в которой они были не только пастырями, но и в не меньшей степени интегральной частью общества. Начни разрушать синодальную систему, восстанавливать прежние формы церковной жизни, начиная с патриаршества, — и все рухнет! Консерватор, сторонник «традиции», Константин Петрович был почитателем революционной по сути петровской реформы Церкви, произвольно определяя «старину», ее благо и насущность. Для мыслителя, претендовавшего на историческое осмысление бытия России, это было непристительно. Так, думается, логическая ошибка в определении идеологических приоритетов неизбежно привела обер-прокурора к необходимости больше критиковать, чем предлагать решения, к тому, что его стали считать бесплодным, неспособным политиком.

Многочисленные примеры того, что уже со второй половины 1880-х гг. обер-прокурор стал терять влияние, представленные на страницах монографии А. Ю. Полунова, доказывают, что это обстоятельство во многом способствовало потере обер-прокурором политического влияния. В 1894 г. вопрос об отставке К. П. Победоносцева был более, чем актуален. Лишь кончина императора Александра III изменила ситуацию. А. Ю. Полунов, отметивший, что во время последней болезни монарха обер-прокурор при нем не находился, видит причину оставления Константина Петровича в правительстве в том, что моло-

дой государь — Николай II — испытывал почтение к своему престарелому наставнику. Возможно, по мнению исследователя, это говорит и о политическом расчете — Николай II старался удерживать государственных деятелей разного направления и играть на их противоречиях. Как бы то ни было, но уже в 1896 г. стало заметно его охлаждение к Победоносцеву.

Более Константин Петрович не играл ключевой роли в определении политического курса страны, хотя оставался обер-прокурором вплоть до октября 1905 г. Примечательно, что император не поздравил Победоносцева с 25-летием пребывания на посту обер-прокурора (в апреле 1905 г.) и в то же время выразил благодарность Святейшему Синоду за работу по подготовке реформ (12 мая 1905 г.). Это были церковные реформы, начатые по инициативе членов Святейшего Синода (вспомним выражение о «стоячей воде») и в противовес желанию обер-прокурора! Описывая его положение накануне и в годы Первой российской революции, А. Ю. Полунов показывает полнейшую растерянность Константина Петровича перед событиями и глубокое раздражение действиями тех, кого ранее воспринимал позитивно, всячески поддерживал и одобрял (например, своего товарища по обер-прокуратуре В. К. Саблера и Санкт-Петербургского митрополита Антония). Автор указывает на то, что Победоносцев не понимал причины отхода верховной власти от традиционных начал правительственной политики, воспринимая происходившее как «эпидемию» и приступ «страшного безумия».

Полагаю, следовало бы обратить более пристальное внимание на то, что непонимание было связано с тем, что для Победоносцева революция означала крах его идеологической системы, над которой он столько трудился и обоснованию которой посвятил свой знаменитый «Московский сборник». «Учреждения» изменялись самой властью, а «люди», которые должны были отстаивать ее неизбежность, признали правоту и неизбежность изменений. Проповедовавшийся Победоносцевым консерватизм не стал панацеей от политического «либерализма» (как он его понимал), а «охранительство» выродилось в карикатурные формы хулиганствующих активистов Союза русского народа. А ведь для мыслителя, которым, несомненно, был Победоносцев, нет ничего более страшного, чем опозление его идей и представлений.

Впрочем, это уже иная история, которая никак не связана с деятельностью обер-прокурора. Это уже *история рефлексии на его жизнь и творчество*, еще ждущая своего исследователя. А. Ю. Полунова интересовало, как мы знаем, иное — роль Победоносцева в общественно-политической и духовной жизни страны. С принятыми на себя научными обязательствами автор, как мне видится, вполне справился, сумев удержаться как от осуждения, так и от восхваления обер-прокурора. Он сумел показать всю сложность и неоднозначность Победоносцева — морализатора, администратора и мыслителя. Это анализ политической и публицистической деятельности обер-прокурора, со всеми его достоинствами и неизбежными упущениями, проведенный профессиональным историком.

С выводами, к которым приходит А. Ю. Полунов, у нас есть возможность согласиться. Действительно, Победоносцева во многом следует рассматривать в качестве выдающегося представителя такого явления, как пореформенный консерватизм. Указанное явление характеризуется безусловной защитой неогра-

ниченного самодержавия, господствующего положения Православной Церкви, принципов самобытного развития страны. Однако, как отмечает А. Ю. Полунов, идея безусловного первенства дворянства, была Победоносцеву чужда. Он был сторонник надсословной монархии и традиционно-патриархальных методов управления страной.

Но, задумаемся, возможно ли в стране, где государь — первый дворянин, т. е. безусловный и основной защитник «благородного сословия», бытование «надсословной» формы управления? Если и возможно, то лишь в теории. Практика, как показала история России имперского периода, разбивает самые добрые представления о соединении всех подданных общей идеей службы. Особенно сложно совместить теорию с практикой, скептически относясь к любой самостоятельной инициативе, распространяя подобный подход и на дворянство, и на верхи церковной иерархии, не доверяя добрым свойствам человеческой природы.

Можно ли в такой ситуации быть оптимистом, верить в возможность осуществления задуманного в кабинетной тиши плана, предусматривавшего преодоление «средостения» между монархом и «простым народом»? Вопрос, очевидно, риторический, хотя, знакомясь с политической деятельностью Победоносцева, невольно спрашиваешь себя: а верил ли он сам в то, что проповедовал? И не находишь четкого ответа. Ведь он не мог не видеть, что сохранение прежних политических форм, воспринимаемых как идеал, предполагает не осуществимую в реальной жизни изоляцию страны, жесткие культурные (а не только политические) фильтры, наконец, наличие многочисленных идейных сторонников среди правящего слоя и т. д. Неужели ничего этого Победоносцев не понимал и не видел?

Разумеется, и видел, и понимал. А. Ю. Полунов дает на прозвучавшие вопросы внятный ответ: воззрения обер-прокурора, при всех их крайностях, были реакцией на реальные противоречия и острейшие конфликты эпохи. Насколько адекватной была та реакция, автор не говорит, хотя приводимые им примеры позволяют ответить скорее отрицательно. Переломное время часто заставляет думающих современников искать поиск «выхода из тупика», опираясь на идеологические построения, окрашенные в излишне эмоциональные краски.

Таким образом, Победоносцева следует рассматривать не только как конкретную историческую личность, но и как закономерное историческое явление. На политической сцене пореформенной России должен был появиться идеолог консерватизма, предлагающий свой сценарий сохранения империи. Другое дело, что этот сценарий для многих современников был неприемлем и соответствующим образом воспринимался. При этом тонкий ум и аналитические способности собственно Победоносцева никогда не вызывали сомнения у современников — как его союзников, так и непримиримых противников. Он был рыцарем империи, рапсодом самодержавной монархии, мечтателем, которому выпала возможность «привить» красивую идею к историческому стволу бурно развивавшейся страны. Его идеалы были благородны, он был бескорыстным человеком. Но в политике, к глубокому прискорбию, личное бескорыстие не всегда является основной добродетелью. Умение правильно ставить диагнозы социальным болезням ценится гораздо меньше, чем открытое желание их

излечить. Трагедия Победоносцева-человека заключалась в том, что он пережил себя как политика и идеолога, превратившись в пререкаемый символ «утонувшего мира». Понять, почему так случилось, как представляется, и помогает книга А. Ю. Полунова.

С. Л. Фирсов

«МЫ БЛАГОГОВЕЕМ ПЕРЕД ТВОЕЮ ВЕРОЮ...»

Рец.: *Ефимов А. Б., Ласаева О. В.* Алеутская и Северо-Американская епархия при святителе Тихоне. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. — 564 с. + вкл.

Монография А. Б. Ефимова и О. В. Ласаевой «Алеутская и Северо-Американская епархия при святителе Тихоне», подготовленная на кафедре миссиологии Миссионерского факультета ПСТГУ к 20-летию университета, вносит значительный вклад в изучение жизни и служения святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, и представляет интерес не только для университета, носящего имя святителя, но для исторической науки в целом.

В монографии подробно исследуется служение епископа Алеутского и Аляскинского Тихона, ставшего затем архиепископом Американским. Особое внимание уделено миссионерскому служению великого святителя, которое представляет и большое значение для настоящего времени.

Святитель Тихон управлял самой большой зарубежной епархией Православной Российской Церкви около десяти лет. Но авторы не ограничились только десятилетним периодом, с 1897 по 1907 г., жизни Православной Америки, но значительно расширили хронологические границы своего исследования: изложили кратко историю епархии до приезда святителя на кафедру, а также рассмотрели период с 1907 до 1920 г., когда святитель уже покинул Америку, но принципы его управления епархией продолжали его последователи. Заслуга авторов еще и в том, что они исследовали не только жизнь Церкви, но и жизнь русской эмиграции Америки того периода.

Авторы монографии изучили все доступные материалы православной печати того времени, в том числе материалы «Американского православного вестника», архивные материалы Российского государственного архива, изучили историографию, относящуюся к теме монографии. Кроме того, ими был поднят большой пласт архивных документов, которые не были введены в научный оборот другими исследователями, занимающимися вопросами изучения Православной Церкви в Америке. К ним относятся прежде всего письма священнослужителей (соразработчиков) по Алеутской и Северо-Американской кафедре к святителю Тихону из библиотеки конгресса США (The Library of Congress. Records of the Alaskan Russian Church, containers H1, reel 359 of 376, feet 94.). Несомненный интерес представляют имеющиеся в книге документальные приложения, где